

Аналитическое
будущее время
в языке русских
цыган как калька
с восточно-
славянских языков*

Analytic
Future Tense
in Russian Romani
as a Calque from
Eastern Slavic

**Кирилл Александрович
Кожанов**

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия

Kirill A. Kozhanov

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье обсуждается развитие аналитического будущего времени в языке русских цыган. В этом диалекте цыганского языка существует особый способ для выражения будущего времени с помощью вспомогательных глаголов *авэ́ла* 'приходить' и *лэ́ла* 'брать, взять'. Развитие этих аналитических конструкций связывается с влиянием восточнославянских языков. В цыганском языке глагол *авэ́ла* также используется как будущее время глагола-связки 'быть', поэто-

* Автор выражает искреннюю благодарность М. В. Ослону за обсуждение предварительной версии статьи, а также за существенные замечания анонимному рецензенту и участникам обсуждения доклада по настоящей теме, представленного на конференции "Системные изменения в языках России" (ИЛИ РАН, С.-Петербург, октябрь 2014 г.) и заседании отдела типологии и сравнительного языкознания ИСЛ РАН (апрель 2015 г.). Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 14-06-31038 "Создание корпуса языка русских цыган" (руководитель – К. А. Кожанов).

му его употребление в качестве вспомогательного глагола для образования будущего можно трактовать как кальку со славянских конструкций с глаголом *буду*. В статье доказывается, что использование вспомогательного глагола *лэла* является “окаменевшей” калькой со старорусского, в котором глагол *яти* вплоть до XVI в. оставался одним из главных способов для образования будущего времени. Также показывается, что нет чёткого семантического различия между этими двумя конструкциями, предпочтение отдаётся одной из них в зависимости от говора или диалекта. Наконец, советская литература на цыганском языке содержит интересные примеры, иллюстрирующие то, как глагол *лэла* начинает функционировать как будущее время глагола-связки.

Ключевые слова

будущее время, цыганский язык, диалект русских цыган, восточнославянские языки, языковые контакты, заимствование модели

Abstract

This paper discusses the development of the analytic future in Russian Romani. In this Romani dialect, an analytic future tense can be expressed by means of the two auxiliary verbs *avéla* ‘to come’ and *léla* ‘to take.’ This article argues that the development of this analytic future was induced by contact with Eastern Slavic languages. In Romani, the verb *avéla* also functions as the future form of the copula, thus its use as an auxiliary to derive future tense is a calque from the Slavic construction with the verb *budu* ‘I will.’ In the article it is argued that the use of the verb *léla* as an auxiliary is a “fossilized” calque from Old Russian, in which the verb *jati* ‘to take’ was, up to the 16th century, one of the main ways to derive the future tense. It is also shown that there is no clear semantic distinction between the two constructions, and that preference is given to one or the other depending on the areal variety or even idiolect. Finally, Soviet Romani literature offers interesting cases that demonstrate when the verb *léla* begins to function as a future tense copula.

Keywords

future tense, Romani, Russian Romani, Eastern Slavic languages, language contact, PAT(tern)-borrowings

1. Введение

В современных диалектах цыганского языка наблюдается значительная вариативность в том, как выражается будущее время, поэтому некоторые исследователи считают, что в протоцыганском языке будущее время специально не маркировалось, ср., например, [MATRAS 2002: 157].

В языке русских цыган¹ будущее время может быть выражено несколькими способами: во-первых, синтетические “долгие” формы,

¹ В литературе также распространён термин *севернорусский диалект цыганского языка*; на этом диалекте говорят цыгане этнической группы *русска рома*, предки которых переселились в Россию в начале XVIII в.

образуемые с помощью постфикса *-a*, присоединяемого к личным окончаниям,² могут интерпретироваться как в настоящем, так и в будущем времени, ср. *мэ лáva* ‘я беру’ и ‘я возьму’; во-вторых, будущее время могут обозначать аналитические конструкции, которые образуются при помощи вспомогательных глаголов *лэла* ‘брать’ или *авэла* (встречается также вариант с протетическим *й-* — *явэла*) ‘приходить’, союза *тэ* и обычно согласуемого по лицу и числу с субъектом глагола в “краткой” форме настоящего времени,³ ср.:

- (1) а. *мэ* *л-áva* *тэ* *баг-áv*
 я.dir брать-PRS.1SG комп петь-PRS.1SG
 ‘я буду петь’ досл. ‘я беру/возьму петь’
- б. *мэ* *ав-áva* *тэ* *баг-áv*
 я.dir приходить-PRS.1SG комп петь-PRS.1SG
 ‘я буду петь’ досл. ‘я приду/буду петь’

Разница между синтетическими и аналитическими формами будущего времени состоит прежде всего в видовой интерпретации: синтетические формы могут использоваться только в перфективном значении (поэтому такие формы иногда называют будущим совершенным, см., например, [Истомин 1900: 58]), тогда как аналитические конструкции обычно описывают прогрессивные и хабитуальные ситуации (поэтому такие формы часто называют будущим несовершенным [ИВІД.: 60–61; СЕРГИЕВСКИЙ 1931: 57–58, 60; ВЕНЦЕЛЬ 1964: 76]). Не вдаваясь подробнее в семантику глагольных форм, мы можем сказать, что распределение будущего I (т. е. синтетического) и будущего II (т. е. аналитического) в русскоцыганском диалекте сильно напоминает употребление простого и сложного будущего в русском языке. Принципиальное отличие русскоцыганских глаголов от русских состоит в том, что глагольные формы не имеют закреплённой видовой характеристики. Так, двоякую временную интерпретацию имеют в том числе префиксальные глагольные формы: они могут интерпретироваться в будущем времени, ср. *забагáва*⁴ ‘я запою’, *добагáва* ‘я допою’ и т. д., копируя соответствующие русские формы, или в настоящем времени, ср. те же примеры со

² Подавляющее большинство финитных форм настоящего/будущего времени имеют постфикс *-a*. “Краткие” формы без этого постфикса в независимой позиции встречаются крайне редко и обычно обозначают только настоящее время.

³ Отметим, что в целом в цыганском языке инфинитива нет, так что второй глагол, присоединяемый к первому с помощью особого союза и обычно согласуемый с субъектом по лицу и числу, является неким аналогом инфинитивной конструкции, подобно тому, как это устроено в других языках балканского союза, см. [FRIEDMAN 1986].

⁴ Здесь и далее жирным выделяются заимствованные приставки.

значением ‘я запеваю’ и ‘я допеваю’ соответственно, копируя формы славянского вторичного имперфектива.

В общем виде способы выражения настоящего и будущего времени в русском диалекте цыганского языка, а также семантика этих форм отражены в *Таблице 1*.

Таблица 1. Система настоящего и будущего времён
в языке русских цыган

Время	Маркирование	Пример	Видовое значение
Настоящее	основа наст. вр. + личные окончания + <i>-(а)</i>	<i>мэ кэр-áv-а</i> ‘я делаю’ <i>мэ сыкав-áv-а</i> ‘я показываю’	продолжительное, повторяющееся
Будущее I (синтетическое, простое)	основа наст. вр. + личные окончания + <i>-а</i>	<i>мэ скэр-áv-а</i> ‘я сделаю’ <i>мэ сыкав-áv-а</i> ‘я покажу’	перфективное
Будущее II (аналитическое, сложное)	вспомогательный глагол <i>лэла</i> ‘брат’ / <i>авэла</i> ‘приходить’ (“долгая” форма) + союз <i>тэ</i> + настоящее время (краткая форма)	<i>л-áv-а / ав-áv-а тэ кэр-áv</i> ‘я буду делать’	продолжительное, повторяющееся

Далее речь пойдёт только об аналитическом способе выражения будущего времени, и обсуждение будет построено следующим образом: сначала мы рассмотрим происхождение аналитического будущего, в частности, ответим на вопрос, почему в качестве вспомогательных используются именно глаголы *авэла* ‘приходить’ и *лэла* ‘брат’. Затем мы обсудим, существует ли конкуренция между этими двумя глаголами и какие факторы могут быть в ней задействованы. Наконец, образование будущего времени в языке русских цыган будет рассмотрено в более широкой ареальной перспективе.

2. Происхождение сложного будущего со вспомогательным глаголом *авэла* ‘приходить’

Конструкция со вспомогательным глаголом *авэла* ‘приходить’ не упоминается в имеющихся описаниях диалекта русских цыган, ср. [Истомин 1900: 60–61; Сергиевский 1931: 57, 60; Вентцель 1964:

76], но встречается в диалектных текстах, опубликованных В. Н. Добровольским [1908], ср. (3), а также описывается в неопубликованной грамматике цыганского языка того же автора [*IDEM* 1893: лл. 148–149].

- (3) *Мэ ты'-ке пхэн-áva, со ише' фэдьр тут*
 я.НОМ ты-ДАТ сказать-1SG.PRS что ещё лучше ты.АСС
ав-эла тэ жали'н-э.
 приходить-3SG.PRS COMP жалеть-3SG.PRS
 'Я тебе скажу, что ещё лучше тебя [он] будет жалеть' [idem 1908: 11].

Данная конструкция не раз фиксировалась нами в речи русских цыган из Смоленской и Новгородской областей, так что нет сомнения в том, что она существует до сих пор.

Кроме основного значения 'приходить', ср. (4), глагол *авэла* также используется как будущее время глагола-связки 'быть', ср. (5).

- (4) *Авь-я вари-сав-ó чав-ó и*
 приходить-3SG.PST INDEF-какой-dir.SG.M парень-dir.SG и
от-лы-я мán-ге ромн-я. . .
 PRF-брат-3SG.PST я-ДАТ жена-obl.SG
 'Пришёл некий парень и отнял у меня жену. . .' [Ibid.: 23].

- (5) *Колí д-эла о дывэл, сарó 'в-эла шукáр. . .*
 если давать-3SG.PRS ART БОГ.НОМ.SG всё приходить-3SG.PRS хорошо
 'Если даст бог, всё будет хорошо. . .' [Ibid.: 33]

Таким образом, основываясь на употреблении типа (5), можно заключить, что использование глагола *авэла* в качестве вспомогательного для образования будущего времени, скорее всего, калькирует славянские конструкции с глаголом *буду*.

3. Происхождение сложного будущего со вспомогательным глаголом *лэла* 'брат'

Конструкция с глаголом *лэла* для образования будущего времени впервые⁵ фиксируется в неопубликованной грамматике *М. Григорьева* [1851], ср. (6), а затем описывается во всех последующих грамматиках диалекта русских цыган как основной способ для образования т. н. "несовершенного" будущего времени.

⁵ В имеющихся записях русскоцыганского диалекта более раннего времени контексты с будущим временем не встречаются.

- (6) *ёв л-эла тэ- мар-эс⁶*
 он.dir брать-PRS.3SG COMP бить-PRS.2SG
 ‘он будет бить’ [ГРИГОРЬЕВ 1851: л. 12об.]

Грамматикализация глагола ‘брать’ для выражения будущего времени типологически необычна, ср. [НЕЙНЕ, КУТЕВА 2002: 288; 2005: 105], отчасти поэтому возникновение данной конструкции некоторыми исследователями, см., например, [РУСАКОВ 2004: 31], связывается с употреблением глагола *лэла* ‘брать’ в качестве фазового (начинательного) глагола, ср.:

- (7) *И лы-я тэ бiян-эл и бiянд-я ракл-ор-эс.*
 и брать-3SG.PST COMP рожать-3SG.PRS и рожать-3SG.PST мальчик-
 DIM-OBL.SG

‘И начала [она] рожать, и родила [она] мальчика’ [ДОБРОВОЛЬСКИЙ 1908: 12].

Иными словами, предполагается, что сложное будущее время в языке русских цыган появилось в результате грамматикализации ингрессивной конструкции, таким образом, оно оказывается в группе перифрастических будущих времён с начинательным значением, ср., например, грамматикализацию глаголов со значениями ‘становиться; начинать’ для выражения будущего времени [НЕЙНЕ, КУТЕВА 2002: 64–65].

В то же время “внутриязыковое” развитие конструкции без какого-либо влияния со стороны других языков кажется маловероятным: диалект русских цыган является сильно интерферируемым и характеризуется всесторонним влиянием русского языка, ср. [РУСАКОВ 2004: 20; RUSAKOV 2001: 313]. Кажется логичным считать, что восточнославянское сложное будущее должно было повлиять на развитие аналогичной по семантике и структуре конструкции в языке русских цыган. Поэтому нам видится абсолютно правильным искать объяснение этой конструкции в контактном влиянии. Так, согласно А. Ю. РУСАКОВУ [2004: 30], на развитие аналитической конструкции в русскоцыганском могла повлиять русская конструкция с глаголом *стану*, а в диссертации А. Тенсера [TENSER 2008: 141, 226] выбор вспомогательного глагола объясняется русской конструкцией типа *возьму сделаю*. В то же время странно ожидать, что при копировании грамматического явления за модель была взята сравнительно редкая для языка-источника конструкция. Так, согласно анализу, приведённому в статье [МОЛДОВАН 2010], конструкция *стати* + инфинитив, хотя, по всей видимости, является общеславян-

⁶ В примере М. Григорьева второй глагол не согласуется с первым (и, соответственно, с субъектом). Такие случаи изредка встречаются в русскоцыганском диалекте (при этом в качестве основной формы по умолчанию обычно выбирается 2 л. ед. ч.) и могут рассматриваться как пример “нового инфинитива”; о новых “инфинитивных” образованиях в цыганских диалектах см. [ВОРЕТЗКУ 1996].

ской, была распространена в разговорном древнерусском языке и несколько активизировалась начиная с XVI в., всё равно была довольно маргинальной. Ожидается, что калькируется широко распространённая конструкция. Также маловероятно, что для калькирования этих русских конструкций был взят другой вспомогательный глагол. Видимо, поэтому высказывалась также точка зрения, согласно которой на развитие сложного будущего со вспомогательным глаголом *лэла* 'братъ' оказал украинский язык, в котором существуют глагольные формы типа *читатиму* 'буду читать', где *-му* — реликт старого глагола *яти* 'взять' [ВОРЕТЗКУ 1999: 174], ср. также [РУСАКОВ 2004: 30].

Хотя гипотеза о калькировании форм с *яти* 'взять' кажется правдоподобной, сложно поверить в то, что на язык русских цыган мог так существенно повлиять украинский язык.⁷ Ответ на вопрос о происхождении цыганских форм с *лэла* нуждается в уточнении.

Прежде всего следует уточнить, когда предки русских цыган оказались в контакте с восточнославянскими языками. Первое свидетельство о цыганах на русскоязычной территории относится к началу XVIII в.: шотландский путешественник Джон Белл, возвращаясь из Китая в 1721 г., остановился в Тобольске и записал местные рассказы о недавно прибывших в город цыганах, кочующих между Польшей и Сибирью [BELL 1788: 205–206]. За 1722 г. упоминается челобитье цыгана Масальского, просящего Сенат отдать ему в ведение всех цыган Смоленской губернии [СОЛОВЬЕВ 1896: 774]. Таким образом, кажется неудивительной часто цитируемая запись из азбуковника XVII в., что цыгане "ест люди вполши а поидоша от нѣмецъ" и следующий из неё вывод о том, что цыгане в то время "не заходили еще въ Россію" [ВОСТОКОВ 1842: 5].⁸ Однако все эти свидетельства предшествуют разделам Польши, так что вполне возможно, что цыгане в восточных частях Речи Посполитой могли оказаться значительно раньше, например, согласно рассуждениям польского историка Л. Мруза, уже в XV в. [MRÓZ 2001: 51]. Логика Л. Мруза следующая: хотя первые документы о цыганах в

⁷ Заметим, что, с одной стороны, в сэрвицком диалекте цыганского языка, испытывавшем наибольшее влияние со стороны украинского языка, сложное будущее также существует, но образуется только при помощи глагола *авэла*, но не *лэла*. С другой стороны, предки русских цыган едва ли когда-либо находились в контакте с украинскими говорами, хотя есть некоторые лексемы, свидетельствующие о возможном пребывании в полесском (?) регионе, ср. заимствования *бѣда* 'беда; тюрьма', *винѣка* 'веник' с рефлексом *ь>и*, а также вариант глагольной приставки *ви-*.

⁸ Ср., впрочем, недавнюю критику азбуковников как источника для датировки прибытия цыган в Россию, например, [СМИРНОВА-СЕСЛАВИНСКАЯ 2016]. Азбуковники чаще всего были не оригинальными произведениями справочного характера и содержали данные, переведённые из разных других источников (в том числе польских).

восточных частях Речи Посполитой относятся лишь ко второй половине XVI в.,⁹ в них идёт речь уже об оседлых цыганах, что очевидно предполагает более раннее прибытие на эту территорию. По всей видимости, этим же временем стоит датировать первые контакты цыган с восточнославянскими языками.

Диалект русских цыган принадлежит к северо-восточной группе диалектов цыганского языка, которую некоторые исследователи предлагают называть “макродиалектом с крупными локальными разновидностями” [Черенков 2013: 7]: в эту группу также входят диалекты польских, белорусских, литовских и латышских цыган. Чрезвычайно важно, что аналитическое будущее развилось только в диалектах русских и белорусских цыган.

Таким образом, необходимо посмотреть на то, как выражалось будущее время в восточнославянском ареале в XV–XVI вв.

У всех предков современных восточнославянских языков в XIV–XVI вв. одним из основных вспомогательных глаголов для выражения будущего времени был глагол *яти* ‘взять’, см. свидетельства о русском [Борковский, Кузнецов 2006: 285–288], украинском [Бевзенко 1960: 323–327; Нимчук 1978: 293–296; Жовтобрюх et al. 1980: 213–215] и белорусском [Жураўскі 1988: 185–187] языках. Например, по подсчётам М. Юрковского на основе словаря староукраинского языка XIV–XV вв., вспомогательный глагол *имати* (*яти*) используется в более 50% всех форм сложного будущего времени (из них с глаголом *яти* – 48%) [Юрковский 1991: 102].

Важно подчеркнуть, что в литературе традиционно, но ошибочно смешивают глаголы *имѣти*, *имати* и *яти* в качестве вспомогательных для образования будущего времени. Хотя эти глаголы и являются однокоренными (производными от корня **jьm-*), их значение и происхождение различались [Danylenko 2011: 153–155; Юрьева 2009; 2011]. Сложное будущее со вспомогательным глаголом *имѣти* характеризовалось модальным значением необходимости, неопределённости, в то время как конструкции с *яти* не несли дополнительных модальных коннотаций и были связаны с начинательностью [Andersen 2006]. Кроме того, будущее время могло выражаться и другими ингрессивными конструкциями, например, с глаголами *начьну*, *почьну*. Согласно наблюдениям И.С. Юрьевой [2011], глагол *имѣти* для обозначения будущего времени встречается только в книжном стиле, в то время как *яти* в большей степени

⁹ Часто цитируемая виленская доверительная грамота 1501 г., опубликованная Т. Нарбутом [Narbutt 1830: 170–172], как убедительно доказал Л. Мруз, является фальсификацией [Mróz 2001: 47–50].

глагола, но в некоторых регионах (или идиолектах) существует тенденция к более частому использованию только одного из них.

В письменном цыганском языке, создававшемся в Советском Союзе в 1920–30-х гг., сложное будущее время выражалось только при помощи глагола *лэла*. В то же время встречаются отчасти курьёзные примеры, когда в результате отождествления цыганского сложного будущего со сложным будущим в русском цыганский глагол *лэла* ‘братъ’ начинает использоваться в качестве будущего времени глагола-связки ‘быть’, ср.:

- (9) . . . *сар-эн-гэ* *л-эла* *дыкх-н-о* *сыр дывэс* —
 весь-OBL.PL-DAT братъ-PRS.3SG видеть-PP-M.DIR.SG как день.DIR.SG
сав-и *бар-и* *бут-ы* *кэр-д-я*
 какой-F.DIR.SG большой-F.DIR.SG работа-DIR.sg делать-PST-3SG
и *кэр-эла* *О-советск-о* *власть*
 и *делать-PRS.3SG* ART-советский-DIR.SG *власть.DIR.SG*
 ‘. . . всем будет видно (= ясно) как день — какую большую работу делала и делает Советская власть’ (Романы зоря, № 1, 1927).

5. Заключение

Сложное будущее время в языке русских цыган развилось под влиянием восточнославянских языков и является ярким примером грамматического заимствования модели (англ. PAT(tern)-borrowing): конструкция с вспомогательным глаголом *авэла* копирует славянские конструкции с глаголом *буду*, а конструкция с вспомогательным глаголом *лэла* копирует широко распространённую в регионе на момент первых контактов цыган с восточными славянами (предположительно в XV–XVI вв.) конструкцию со вспомогательным глаголом ‘возьму’.¹¹ При этом, вероятно, наличие в цыганском языке ингрессивной конструкции с глаголом ‘братъ’ повлияло на употребление сложного будущего с *лэла* в диалекте русских цыган: дополнительное ингрессивное значение у конструкций со вспомогательным глаголом *лэла* отличает их от конструкций с глаголом *авэла*, у которых никакой дополнительной семантики не наблюдается. Стоит также отметить, что калькирование этой восточнославянской конструк-

¹¹ Заметим, что схожее использование глагола *fogni* ‘взять, братъ’ для образования будущего времени в венгерском языке иногда объясняют славянским влиянием [ANDERSEN 2006: 33], хотя такое объяснение вызывает сомнения [DANYLENKO 2011: 154; 2013: 152–153]. В качестве комментария добавим, что венгерская конструкция, в отличие от славянской и русскоцыганской, может также иметь перфективную интерпретацию [PALFFY-MUNORAY 2013].

ции означает, что предки русских цыган должны были оказаться в контакте с восточнославянскими языками не позднее XVI в.

На данный момент в речи русских цыган для образования аналитических форм будущего времени могут использоваться оба вспомогательных глагола, хотя в некоторых вариантах русскоцыганского диалекта, особенно в речи молодых носителей, есть тенденция к употреблению сложного будущего времени только с глаголом 'буду' (очевидно, в результате усиливающегося влияния русского языка). В то же время парадоксальным образом влияние русского языка приводит к дополнительным отличиям в употреблении анализируемых глаголов: так, в письменном цыганском языке 1920–30-х гг. в результате соотнесения цыганского и русского вспомогательного глагола в аналитических формах будущего времени произошла грамматикализация глагола *лэла* как формы будущего времени глагола-связки 'быть'.

В целом аналитическое будущее время, развившееся в языке русских (и белорусских) цыган, представляет собой яркий пример грамматического заимствования, сохранившего конструкцию, утраченную в языке-источнике, и получившего возможность дальнейшего развития в языке-реципиенте.

Сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лица; ART – артикль; COMР – подчинительный союз; DAT – дательный падеж; DIR – прямая основа; F – женский род; FUT – будущее время; M – мужской род; NEG – отрицание; OVL – косвенная основа; PL – множественное число; PP – пассивное причастие; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; SG – единственное число.

Библиография

Рукописи

Григорьев 1851

Григорьев М., *Формы и словарь цыганского языка*, 1851. Хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (С.-Петербург), Р. I. Оп. 9. № 33 (1–2).

Добровольский 1893

Добровольский В. Н., *Киселевские цыганы. Грамматика*, 1893. Хранится в С.-Петербургском филиале Архива РАН, Ф. 87, оп. 2, № 12.

Литература и опубликованные источники

Бевзенко 1960

Бевзенко С. П., *Исторична морфологія української мови*, Ужгород, 1960.

Борковский, Кузнецов 1963/2006

Борковский В. И., Кузнецов П. С., *Историческая грамматика русского языка*, Москва, 1963 (репринт: 2006).

ВЕНТЦЕЛЬ 1964

ВЕНТЦЕЛЬ Т. В., *Цыганский язык (севернорусский диалект)*, Москва, 1964.

Востоков 1842

Востоков А., *Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума*, С.-Петербург, 1842.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ 1908

ДОБРОВОЛЬСКИЙ В. Н., *Киселевские цыгане*, 1: *Цыганские тексты*, С.-Петербург, 1908.

ЖОВТОВРЮХ ET AL. 1980

ЖОВТОВРЮХ М. А., ВОЛОХ О. Т., САМІЙЛЕНКО С. П., СЛИНЬКО І. І., *Історична граматика української мови*, Київ, 1980.

ЖУРАЎСКИ 1988

ЖУРАЎСКИ А. І., ред., *Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст.*, Мінск, 1988.

ИСТОМИН 1900

ИСТОМИН П., *Цыганский язык*, Москва, 1900.

МОЛДОВАН 2010

МОЛДОВАН А. М., “К истории фазового глагола *стать* в русском языке”, *Русский язык в научном освещении*, 1 (19), 2010, 5–17.

НІМЧУК 1978

НІМЧУК В. В., ред., *Історія української мови: Морфологія*, Київ, 1978.

РУСАКОВ 2004

РУСАКОВ А. Ю., “Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе)” (Диссертация на соискание ученой степени д. филол. наук, Институт лингвистических исследований РАН, С.-Петербург, 2004).

СЕРГИЕВСКИЙ 1931

СЕРГИЕВСКИЙ М. В., *Цыганский язык. Краткое руководство по грамматике и правописанию*, Москва, 1931.

СМИРНОВА-СЕСЛАВИНСКАЯ 2016

СМИРНОВА-СЕСЛАВИНСКАЯ М. В., “Формирование «старожильческого» цыганского населения и его интеграция в сословную систему России в XVII–XVIII вв.”, in: Н. КУСНИКОВ, Е. MARUSHIAKOVA, V. ПОРОВ, eds., *Roma: Past, Present, Future*, Munich, 2016 (в печати).

СОЛОВЬЕВ 1896

СОЛОВЬЕВ С. М., *История России с древнейших времен*, 4/16–20, С.-Петербург, 1896.

ЧЕРЕНКОВ 2013

ЧЕРЕНКОВ Л. Н., “Цыганская диалектология в России: современное состояние и задачи”, в: К. А. КОЖАНОВ, С. А. ОСКОЛЬСКАЯ, А. Ю. РУСАКОВ, ред., *Цыганский язык в России. Сборник материалов Рабочего совещания по цыганскому языку в России: С.-Петербург, 5 октября 2012 г.*, С.-Петербург, 2013, 6–24.

ЮРКОВСКИЙ 1991

ЮРКОВСКИЙ М., “Сложное будущее время в украинском языке XIV–XV вв.”, в: Г. А. ХАБУРГАЕВ, А. БАРТОШЕВИЧ, ред., *Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола*, Москва, 1991, 101–113.

ЮРЬЕВА 2009

ЮРЬЕВА И. С., “Семантика глаголов *имѣти*, *хотѣти* и *начати* (почати) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв.” (Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 2009).

- 2011
ЮРЬЕВА И. С., “Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *имоу* в древнерусских текстах”, *Русский язык в научном освещении*, 2 (22), 2011, 68–88.
- ANDERSEN 2006
ANDERSEN H., “Slavic Periphrastic Futures. Divergence and Convergence,” in: K. EKSELL, T. VINTHER, eds., *Change in Verbal Systems. Issues in Explanation*, Bern, 2006, 9–45.
- BELL 1788
BELL J., *Travels from St. Petersburg in Russia, to Various Parts of Asia*, 2, Edinburgh, 1788.
- BORETZKY 1996
BORETZKY N., “The ‘New’ Infinitive in Romani,” *Journal of the Gypsy Lore Society. 5th Series*, 6, 1996, 1–51.
- 1999
BORETZKY N., “Grammatical Interference in Romani: Loan Formations for Foreign Categories,” *Acta Linguistica Hungarica*, 46 (3-4), 1999, 169–200.
- DANYLENKO 2011
DANYLENKO A., “Is There Any Inflectional Future in East Slavic? A Case of Ukrainian against Romance Reopened,” in: N. МОТОКИ, ed., *Grammaticalization in Slavic Languages: From Areal and Typological Perspectives*, Sapporo, 2011, 147–177.
- 2013
DANYLENKO A., “Ukrainian in the Language Map of Central Europe: Questions of Areal-typological Profiling,” *Journal of Language Contact*, 6, 2013, 134–159.
- FRIEDMAN 1986
FRIEDMAN V. A., “Romani *Te* in a Balkan Context,” *Językowe studia bałkanistyczne*, 1, 1986, 39–48.
- HEINE, KUTEVA 2002
HEINE B., KUTEVA T., *World Lexicon of Grammaticalization*, Cambridge, 2002.
- 2005
HEINE B., KUTEVA T., *Language Contact and Grammatical Change*, Cambridge, 2005.
- MATRAS 2002
MATRAS Y., *Romani: A Linguistic Introduction*, Cambridge, 2002.
- MRÓZ 2001
MRÓZ L., *Dzieje Cyganów-Romów w Rzeczypospolitej XV–XVIII w.*, Warszawa, 2001.
- NARBUTT 1830
NARBUTT T., *Rys historyczny ludu cygańskiego*, Wilno, 1830.
- PALFFY-MUHORAY 2013
PALFFY-MUHORAY N., “Future Reference in Hungarian with and without Future Marking,” *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, 19: 1, 2013, Article 17 (available online at: <http://repository.upenn.edu/pwpl/vol19/iss1/17>; last accessed: 15.07.2016).
- RUSAKOV 2001
RUSAKOV A. YU., “The North Russian Romani Dialect: Interference and Code Switching,” in: Ö. DAHL, M. КОПТJEVСКАЯ-ТАММ, eds., *Circum-Baltic languages*, 1, Amsterdam, Philadelphia, 2001, 313–337.
- TENSER 2008
TENSER A., “Northeastern Group of Romani Dialects” (Ph. D. thesis, University of Manchester, 2008).

References

- Andersen H., "Slavic Periphrastic Futures. Divergence and Convergence," in: K. Eksell, T. Vinther, eds., *Change in Verbal Systems. Issues in Explanation*, Bern, 2006, 9–45.
- Bevzenko S. P., *Istorychna morfolohiia ukrains'koï movy*, Uzhhorod, 1960.
- Boretzky N., "The 'New' Infinitive in Romani," *Journal of the Gypsy Lore Society. 5th Series*, 6, 1996, 1–51.
- Boretzky N., "Grammatical Interference in Romani: Loan Formations for Foreign Categories," *Acta Linguistica Hungarica*, 46 (3-4), 1999, 169-200.
- Borkovskiy V. I., Kuznetsov P. S., *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka*, Moscow, 1963.
- Cherenkov L. N., "Tsyganskaia dialektologija v Rossii: sovremennoe sostoianie i zadachi," in: K. A. Kozhanov, S. A. Oskolskaya, A. Yu. Rusakov, eds., *Tsyganskii iazyk v Rossii. Sbornik materialov Rabocheho soveshchaniia po tsyganskomu iazyku v Rossii: S.-Peterburg, 5 oktiabria 2012 g.*, St. Petersburg, 2013, 6–24.
- Danylenko A., "Is There Any Inflectional Future in East Slavic? A Case of Ukrainian against Romance Reopened," in: N. МОГОК, ed., *Grammaticalization in Slavic Languages: From Areal and Typological Perspectives*, Sapporo, 2011, 147–177.
- Danylenko A., "Ukrainian in the Language Map of Central Europe: Questions of Areal-typological Profiling," *Journal of Language Contact*, 6, 2013, 134–159.
- Friedman V. A., "Romani *Te* in a Balkan Context," *Językowe studia balkanistyczne*, 1, 1986, 39-48.
- Heine B., Kuteva T., *World Lexicon of Grammaticalization*, Cambridge, 2002.
- Heine B., Kuteva T., *Language Contact and Grammatical Change*, Cambridge, 2005.
- Matras Y., *Romani: A Linguistic Introduction*, Cambridge, 2002.
- Moldovan A. M., "K istorii fazovogo glagola *stat'* v russkom iazyke," *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 1 (19), 2010, 5–17.
- Mróz L., *Dzieje Cyganów-Romów w Rzeczypospolitej XV–XVIII w.*, Warszawa, 2001.
- Nimchuk V. V., ed., *Istoriia ukrains'koï movy: Morfolohiia*, Kiev, 1978.
- Palfy-Muhoray N., "Future Reference in Hungarian with and without Future Marking," *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, 19: 1, 2013, Article 17 (available online at: <http://repository.upenn.edu/pwpl/vol19/iss1/17>; last accessed: 15.07.2016).
- Rusakov A. Yu., "The North Russian Romani Dialect: Interference and Code Switching," in: Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm, eds., *Circum-Baltic languages*, 1, Amsterdam, Philadelphia, 2001, 313–337.
- Sergievsy M. V., *Tsyganskii iazyk. Kratkoe rukovodstvo po grammatike i pravopisaniiu*, Moscow, 1931.
- Smirnova-Seslavinskaya M. V., "Formirovanie 'starozhil' cheskogo' tsyganskogo naseleniia i ego integratsiia v soslovnuiu sistemu Rossii v XVII–XVIII vv.," in: H. Kyuchukov, E. Marushiakova, V. Popov, eds., *Roma: Past, Present, Future*, Munich, 2016 (in print).
- Tenser A., "Northeastern Group of Romani Dialects" (Ph. D. thesis, University of Manchester, 2008).
- Ventsel' T. V., *Tsyganskii iazyk (severnoruskii dialekt)*, Moscow, 1964.
- Yurkovskiy M., "Slozhnoe budushchee vremia v ukrainskom iazyke XIV–XV vv.," in: G. A. Khaburgaev, A. Bartoshevich, eds., *Issledovaniia po glagolu v slavianskikh iazykakh: Istoriia slavianskogo glagola*, Moscow, 1991, 101–113.
- Yuryeva I. S., "The Infinitive Constructions with the Verbs *Iman'* and *Imou* in Old Russian Texts," *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 2 (22), 2011, 68–88.
- Zhovtobriukh M. A., Volokh O. T., Samiilenko S. P., Slyn'ko I. I., *Istorychna hramatyka ukrains'koï movy*, Kiev, 1980.
- Zhuraŭski A. I., ed., *Mova belaruskai pis'mennasti XIV–XVIII stst.*, Minsk, 1988.

Acknowledgements

Russian Foundation for Basic Research. Project No. 14-06-31038.

Кирилл Александрович Кожанов,

канд. филол. наук

Институт славяноведения РАН, Отдел типологии и сравнительного

языкознания, младший научный сотрудник

119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32А

Россия/Russia

kozhanov.kirill@gmail.com

Received April 11, 2016